

НАТАША ЛЕСТЕР

ШВЕЯ
ИЗ ПАРИЖА

Москва
2022

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44
Л51

Natasha Lester

PARIS SEAMSTRESS

Copyright © Natasha Lester 2020

First published in the English language in Australia and New Zealand in 2020 by Hachette Australia, and in the United Kingdom by Sphere, an imprint of Little, Brown Book Group Ltd, London.

Фотография на переплете © Nina Masic / Trevillion Images

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского *Светланы Селифоновой*
Художественное оформление *Натальи Каиштыкиной*

Лестер, Наташа.

Л51 Швея из Парижа / Наташа Лестер ; [перевод с английского С. Селифоновой]. — Москва : Эксмо, 2022. — 544 с.
ISBN 978-5-04-123206-1

Французская швея. Британский шпион. Американская наследница. Эта история начинается в Париже и охватывает континенты и столетия.

Париж, 1940. Юная Эстелла Биссетт живет с матерью и работает в швейной мастерской. Она амбициозна, остра на язык, с детства изучает английский и мечтает стать великим модельером. Когда немецкие войска приближаются к Парижу, мать Эстеллы просит дочь уехать в Америку, к отцу, которого девушка никогда не знала. И на последнем пароходе Эстелла Биссетт уплывает в новую жизнь.

Нью-Йорк, 2015. Фабьен прилетает из Австралии на выставку легендарной линии одежды своей бабушки. «Если бы только Эстелла могла увидеть все это...»

Фабьен знакомится с ведущим дизайнером «Тиффани» Уиллом Огилви, с которым встретится вновь уже в Париже.

Узнав больше о прошлом бабушки, Фабьен откроет удивительную историю потерь и обретений, разбитых сердец и исцеляющей силы любви.

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44

© Селифонова С., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-123206-1

Посвящается Руби.

Я обещала, что ты начнешь читать мои книги, когда тебе исполнится двенадцать. Тогда казалось, это произойдет еще не скоро. И вот тебе двенадцать, и мы с тобой родственные души. Надеюсь, ты всегда будешь любить книги и историю.

Приятного чтения, моя замечательная девочка.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Эстелла

Глава 1

2 июня 1940 года

Эстелла Биссетт бросила на стол рулон золотого шелка, и он развернулся, колыхаясь, словно подол танцовщицы канкана. Эстелла провела по ткани рукой, ощущая одновременно мягкость и чувственность; похоже на прикосновение розовых лепестков или обнаженной кожи.

— *What's your story morning glory*¹, — негромко произнесла она по-английски.

— Эстелла, твой английский лучше, чем у американцев! — засмеялась мама.

Эстелла улыбнулась. Ее учитель английского сказал то же самое год назад на последнем уроке, перед тем как влиться в ряды тех, кто покидал Европу: «У тебя акцент более американский, чем у меня!» Она зажала рулон под мышкой, набросила шелк на плечи и начала скользить по комнате в ритме танго, не обращая внимания на возгласы *Attention!*². Окрики женщин только раззадорили ее, и к танцевальным па добавилось пе-

¹ Буквально: «Расскажи свою историю, утренний цветок!» — устойчивое выражение, которое часто можно услышать в песнях. (Здесь и далее прим. перев.)

² Осторожно! (фр.)

ние: бодрая и незатейливая мелодия Жозефины Бейкер I Love Dancing¹ слетала с губ, перемежаясь приступами смеха.

Эстелла в легком реверансе отступила назад и тут же резко выпрямилась, застыв свечкой. Конец рулона взвился над рабочим столом, где сидели швеи, и, едва не задев голову Наннетт, хлестнул по плечу Мари.

— Эстелла! *Mon Dieu*², — скривилась Мари и притворно схватилась за плечо.

Эстелла чмокнула Мари в щеку.

— Такой шелк заслуживает по меньшей мере танго. — Девушка жестом показала на ткань, сияющую на фоне будничной обстановки швейной мастерской подобно яркой луне. Материал явно предназначался для платья, которое не просто вскружит головы, но и буквально заставит их вращаться быстрее, чем порхают по клавишам рояля пальцы Коула Портера³ в пользующемся дурной славой джаз-клубе Бриктоп⁴ на Монмартре.

— Он заслуживает того, чтобы ты села и начала работать, — буркнула Мари.

В дверях появился месье Омон, привлеченный шумом. Бросив взгляд на завернувшуюся в шелк Эстеллу, он с улыбкой спросил:

— Что натворила на сей раз *ma petite étoile*?⁵

¹ I Love Dancing («Я люблю танцевать») — песня, которую исполняла Жозефина Бейкер (1906–1975), американская и французская танцовщица, певица и актриса.

² Боже мой (*фр.*).

³ Коул Портер (1891–1964) — американский композитор, автор музыки к музыкальным комедиям.

⁴ Ада Бриктоп (1894–1964) — американская танцовщица и певица, владелица ночного клуба Chez Bricktop («У Бриктоп») в Париже.

⁵ Моя маленькая звездочка (*фр.*).

— Она шлепнула меня отрезом, — пожаловалась Мари.

— К счастью, ты у нас девушка в теле. Такой все должно быть нипочем, даже шалости Эстеллы, — поддразнил он Мари. Та в ответ что-то процедила сквозь зубы.

— Что будем из этого шить? — спросила Эстелла, любовно разглаживая складки золотой ткани.

— Смотри. — Месье Омон протянул ей цветной эскиз.

Платье, сделанное на основе модели «Ла каваллини» от Ланвен¹, двадцатых годов; однако вместо огромного банта, украшенного тысячами жемчужин и хрустальных бусин, такой же бант предлагалось декорировать сотнями крошечных золотых бутонов роз.

— О! — ахнула девушка и подалась вперед, чтобы коснуться эскиза. Она знала, что ряды изящных бутонов будут смотреться издалека как сверкающие золотые капли и что в полной мере оценить идею модельера — волнообразную ленту из роз — можно будет, только подойдя ближе к женщине в этом платье. Как будто нет рядом никаких эполет, болтающихся за плечами противопогазов, одежды всех оттенков синего — синева линии Мажино, темно-синий цвет формы Королевских военно-воздушных сил Великобритании, холодный блеск закаленной стали, — которые Эстелла все больше ненавидела.

— Если я когда-нибудь смогу создавать подобные эскизы, — сказала она, любуясь изысканным рисунком Ланвен, — то буду так счастлива, что никогда не захочу иметь любовника.

¹ Жанна Ланвен (1867–1946) — французская художница-модельер. В 1889 году основала модный дом.

— Эстелла! — воскликнула Мари с упреком, будто двадцатидвухлетней девушке не полагалось даже понимать значение этого слова и уж тем более произносить его вслух.

Эстелла взглянула через всю комнату на Жанну, свою маму, и прыснула от смеха.

Как и следовало ожидать, мама глаз не подняла и не вмешалась — сидела и продолжала мастерить из розового шелка маленькие вишневые цветки. Однако от Эстеллы не укрылось, как она сжала губы в струнку, чтобы сдержать улыбку. Мама знала: дочку хлебом не корми, только дай подколоть несчастную Мари.

— Платье нельзя сравнивать с любовником, — нравоучительно произнес месье Омон и указал на шелк. — У тебя есть две недели, чтобы превратить ткань в золотой букет.

— А обрезки останутся? — спросила Эстелла, по-прежнему прижимая к груди рулон.

— Нам прислали сорок метров, но, по моим расчетам, тебе понадобится всего тридцать шесть. Если будешь работать экономно.

— Я буду экономна, как сказочная фея, плетущая французское кружево, — с благоговением произнесла Эстелла.

Она оторвала от груди рулон, натянула шелк на деревянную раму и закрепила булавками. Чтобы придать ткани жесткость, использовался раствор сахара в воде. Теперь Мари могла вырезать из нее кружжкí при помощи тяжелого стального штампа.

Когда Мари закончила, Эстелла накрыла поролоновую подушечку чистой белой тканью, раскалила бульку — стальной шарик с ручкой — на небольшом огне, проверила температуру в кастрюле с воском, затем по-

ложила первый золотой диск из шелка на белую ткань и вдавила в него бульку. Диск мгновенно обернулся вокруг раскаленного инструмента и принял форму изящного лепестка розы. Эстелла отложила его в сторону и повторила процесс. До обеда она сделала две сотни бутонов.

За работой она, как обычно, болтала и пересмеивалась с Наннетт, Мари и матерью, пока Наннетт не пронесла тихо:

— Я слышала, солдат с севера бежит больше, чем гражданских из Бельгии и Голландии.

— Если солдаты бегут, кто встанет между нами и немцами? — спросила Эстелла. — Нам что, удерживать Париж швейными иголками?

— Наш народ не пропустит бошей. Франция выстоит, — твердо сказала мама.

Эстелла вздохнула. Спорить бессмысленно. Как бы Эстелла ни желала уберечь мать, она понимала — никуда они не уйдут. Так и будут сидеть в швейной мастерской и делать цветки из ткани, будто нет ничего важнее модной одежды, — потому что уходить некуда. Они не присоединятся к потокам беженцев из Бельгии, Голландии и с севера Франции, потому что не знают никого на юге страны, кто мог бы их укрыть.

В Париже у них жилье и работа. За его пределами — ничего. Вот почему Эстелла промолчала, хотя ее тревожила слепая вера матери в способность Франции противостоять немецкой армии. И что такого, если они укроются за стенами мастерской и будут притворяться, что хотя бы еще несколько дней, пока модельеры, подобные Ланвен, заказывают им золотые шелковые цветы, все будет хорошо?

За обедом, когда в кухне мастерской все ели рагу из кролика, Эстелла уселась в сторонке от других женщин

и начала рисовать. На листке бумаги она набросала карандашом фасон платья: длинная стройнящая юбка в пол, рукава-крылышки, перехваченная тонким пояском из золотого шелка талия, элегантный V-образный вырез и лацканы, как на мужской рубашке — несколько неожиданная деталь для вечернего платья в пол, однако Эстелла знала, что это сделает платье модным и оригинальным. Несмотря на облегающую юбку, платье вполне подойдет для танцев: такое броское и смелое, платье для жизни. А летом 1940 года в Париже приветствовались все, что обещало жизнь.

Мама покончила с рагу и, хотя до конца обеденного перерыва оставалось еще четверть часа, направилась к кабинету месье Омона. Эстелла наблюдала, как они тихо о чем-то переговаривались. Месье был из тех мужчин, кого называли *gueules cassées* — инвалиды Мировой войны с лицевым ранением. Часть его лица обезобразил огнемёт — рот перекошен, от носа мало что осталось... Он походил на монстра — хотя Эстелла давно не обращала на это внимания, — за пределами мастерской прятал лицо под медной маской и не скрывал своей неприязни к немцам, или бошам, как их обычно называли он и мама. В последнее время Эстелла видела, как в мастерскую заходили мужчины, встречались с ним на лестнице и уходили. Эти мужчины якобы доставляли ткань или красители; вот только принесенные ими ящики месье всегда распаковывал сам.

А мама — одна из семисот тысяч женщин, которых Мировая война оставила вдовами. Муж погиб вскоре после свадьбы, когда Жанне было всего пятнадцать. Два человека, у которых есть причина ненавидеть немцев и которые слишком часто что-то обсуждают шепотом — слишком серьезным, чтобы сойти за романтическую беседу.

Мама вернулась, и Эстелла вновь склонилась над эскизом.

— *Très, très belle*¹, — сказала Жанна, взглянув на рисунок дочери.

— Сегодня вечером сошью платье из остатков ткани.

— И наденешь в *La Belle Chance*? — Мама назвала джаз-клуб на Монмартре, который Эстелла по-прежнему часто посещала, хотя, после того как в прошлом году французов мобилизовали, а британцы бежали из Дюнкерка, в городе осталось мало мужчин — лишь те, кто работал на выпускающих военную продукцию заводах и имел освобождение от призыва.

— *Oui*², — улыбнулась Эстелла.

— Я буду на Северном вокзале.

— И завтра придешь на работу усталой.

— Как и ты сегодня утром, — проворчала мама.

Накануне вечером на вокзале дежурила Эстелла. Она раздавала по чашке супа беженцам, чей путь лежал через Париж, — одним посчастливилось сесть на поезд, другим пришлось пройти пешком сотни километров, спасаясь от немцев. Утолив голод, люди вновь пускались в дорогу — одни находили убежище у родственников, а другие продолжали двигаться, пока могли стоять на ногах, как можно дальше от войны, за Луару, где, по слухам, их ждала безопасность.

День прошел своим чередом — один бутон за другим... В шесть часов вечера Эстелла с матерью, взявшись за руки, шли вдоль Рю-де-Пти-Шан позади сада Пале-Рояль, мимо Пляс-де-Виктуар и рынка Лез-Аль; у домов рядами выстроились фургоны на конной тяге —

¹ Очень, очень красиво (*фр.*).

² Да (*фр.*).